

DIE BETROGENE

CHARLOTTE LINK

ОБМАНУТАЯ

ШАРЛОТТА ЛИНК

INSPIRIA

Москва
2021

Пятница, 14 сентября 2001 года

Было еще по-летнему жарко. Ровно в полдень он вернулся из школы. И тотчас схватился за свой велосипед. Этот бесподобный, быстрый велосипед, цвета «синий металлик», полученный в июле ко дню рождения. Ему исполнилось пять, и с сентября он ходил в школу. Ему там нравилось. Учителя были добры, одноклассники — тоже. Он ощущал себя таким взрослым... А главное, у него был самый классный велосипед в классе. Хоть Гэвин, его сосед по парте, и хвастался, что у него велосипед еще лучше, но это было вранье. Он его видел: велосипед и вполтину не был так хорош, как его.

— Чтобы в шесть был дома! — крикнула ему вслед мама. — И смотри, аккуратнее там!

Он лишь бесстрастно кивнул. Мама вечно волновалась. Из-за уличного движения, из-за плохих людей, которые похищали ребят, из-за грозы...

— Это все потому, что мы тебя любим, — говорила она, когда он возмущался.

И все же он был осторожен, пока не выехал за город. Он был уже не ребенок и понимал, что к чему. Теперь же перед ним раскинулась гоночная трасса. Он обнаружил ее пару недель назад и с тех пор приезжал сюда едва ли не каждый день. Узкая проселочная дорога, на которой почти не попадалось машин. Она тянулась меж полей и лугов, не имела ни начала, ни конца. Солнечным днем, вроде сегодняшнего, она казалась белой, запыленной

лентой среди полей, что раскинулись до самого горизонта. Летом пшеница наверняка скрадывала обзор, но сейчас все было убрано. Это усиливало ощущение бесконечности. И свободы.

Он был прославленным гонщиком и сидел за штурвалом «Феррари».

Вот он вырывается вперед, однако соперники не отстают. Нервы напряжены до предела, он должен выложиться. Победа все ближе, но требует от него полной отдачи. Остальные тоже хороши, но он — лучший. Еще немного, и он будет стоять на пьедестале, поливая шампанским ликующую толпу. Все камеры направлены на него, комментатор срывает голос...

Он налегал на педали. Подался вперед, распластавшись на руле. Встречный ветер растрепал волосы. Он готов был кричать — такой прекрасной казалась ему жизнь.

На многие километры вокруг не было никого, кроме воображаемых соперников. Только он один. И бесконечная даль дороги.

Он и не подозревал, что уже не один.

Не подозревал, что через две минуты все оборвется. И останется в прошлом карьера прославленного гонщика.

И жизнь, какой он знал ее прежде.

Суббота, 22 февраля 2014 года

У него были все шансы выйти сухим из воды.

Спальня в доме Ричарда Линвилла располагалась на мансардном этаже. Дверь запиралась на замок, и в комнате имелся телефон. В ту холодную февральскую ночь, уже в предрассветные часы, разбуженный странным шумом, похожим на звон разбитого стекла, Ричард мог одним прыжком оказаться у двери, запереть ее и вызывать полицию.

Однако он был не из тех, кто зовет на помощь лишь потому, что услышал какой-то шум посреди ночи, причем вполне мог обмануться. До выхода на пенсию Ричард был старшим инспектором в полиции Северного Йоркшира, и мало что могло напугать его.

Если что-то казалось ему подозрительным, он предпочитал разбираться самостоятельно.

Бесшумно и с неожиданным для своего возраста проворством Ричард скользнул с постели и подобрался к прикроватной тумбочке. Пошарил в темноте. В верхнем ящике, запрятанный под стопками платков, лежал пистолет. В годы службы он не носил оружия, но, будучи криминалистом в отставке, знал, что уход на покой не гарантировал ему личной безопасности. Столько народу перед судом предстало его стараниями! По его милости кое-кто провел за решеткой уйму лет. Само собой, у него имелись враги. Так что Ричард обзавелся пистолетом — обыкновенная мера предосторожности. Ему проще было засыпать, зная, что оружие находится на расстоянии вытянутой руки.

Ричард прокрался из комнаты, замер у лестницы и прислушался. В доме царило безмолвие, только вода тихо журчала в трубах отопления. Не было слышно ни подозрительного скрипа, ни хруста осколков — ничего, что указывало бы на разбитое окно. Возможно, ему это просто показалось... или приснилось... Хорошо хоть не стал сразу звонить бывшим коллегам и не выставил себя посмешищем.

И все-таки, прежде чем вернуться в постель, ему хотелось удостовериться.

Мягко, не издавая ни малейшего шума, Линвилл стал спускаться по лестнице. В марте ему стукнет семьдесят один, и Ричард гордился своим телом, словно неподвластным старению. Он связывал это с тем, что спорт всегда занимал важное место в его жизни. Линвилл и теперь каждый день, независимо от погоды, пробегал внушительные дистанции, а свои не самые здоровые

пристрастия в еде компенсировал полным отказом от курения и значительным отказом от алкоголя. Многие, когда видели его впервые, и не подозревали, сколько ему в действительности лет. И в глазах многих женщин он по-прежнему был привлекателен. Но это не имело для него значения. Его супруга, Бренда, с которой он прожил сорок один год, умерла три года назад после длительной борьбы с раком.

Линвилл спустился на первый этаж. Справа располагалась входная дверь — и на ночь она всегда запиралась. Ричард заглянул в гостиную: ничего подозрительного. Окна выходили на проезд, шторы были раздвинуты, и, как правило, даже ночью была видна церковь Скалби, расположенная в конце улицы, на вершине обсаженного деревьями холма. Но в этот раз квартал был окутан плотным туманом, и сложно было разглядеть даже дома с противоположной стороны улицы. На краткий миг Ричардом овладело тревожное чувство, словно он один, всеми брошен. Однако он быстро оправился. Глупости. Все как обычно. Все дело в тумане.

Не успел он развернуться, как снова услышал шум. Это походило на тихий хруст и не имело ничего общего с привычными звуками спящего дома. Звук доносился из кухни; казалось, кто-то ступает по осколкам. Что вполне увязывалось со звоном стекла, который и разбудил Ричарда.

Линвилл снял пистолет с предохранителя и двинулся к кухонной двери. Он понимал, что предпринимает шаги, от которых полиция неустанно предостерегала граждан и от которых он сам призывал воздерживаться.

Если вам показалось, что в ваше жилье кто-то проник, ни в коем случае не пытайтесь действовать самостоятельно. Попытайтесь обезопасить себя, покинув дом или запершись в комнате, и вызовите помощь. При этом старайтесь вести себя как можно тише. Злоумышленник не должен знать, что его заметили.

Но к нему это, конечно же, не относилось. Линвилл *сам* был полицейским, хоть уже и не состоял на службе. Кроме того, у него имелся пистолет, и он превосходно с ним обращался. Это отличало его от большинства других граждан.

Ричард замер у кухонной двери. Зимой она всегда закрывалась на ночь. Дверь, ведущая из кухни в сад, обветшала, и в щели тянуло холодом — так что это позволяло хотя бы сохранить тепло в остальных комнатах. Ричард понимал, что дверь давно следовало сменить, и прежде Бренда постоянно жаловалась на этот счет. Не только из-за холода, но также из соображений безопасности. В отличие от крепкой входной двери, взломать заднюю не составляло труда.

Ричард прислушался, держа пистолет на изготовку. Он слышал собственное дыхание. Больше ничего.

Но там что-то было. *Кто-то* был. Линвилл знал это. Он не добился бы таких успехов в полиции, если б за годы службы не развил в себе это безошибочное чутье.

На кухне кто-то был.

По крайней мере теперь следовало озаботиться помощью. Ричард понятия не имел, сколько человек проникло в дом. Возможно, это был только один человек — но их могло оказаться двое или даже трое. И тогда его преимущество во владении оружием сошло бы на нет. Позднее он и самому себе не сможет объяснить, что заставило его отбросить все предписания и пойти на этот необдуманый риск. Старческое упрямство? Самонадеянность? Или он хотел что-то доказать себе? Так или иначе, ему осталось не так много времени, чтобы обдумать этот вопрос.

Все произошло практически одновременно. Ричард стал осторожно поворачивать ручку кухонной двери и в тот же миг уловил движение рядом, из погруженной во мрак обеденной зоны. Затем последовал удар по руке — такой силы, что Линвилл вскрикнул от боли. Он отчаянно пытался удержать пистолет, но удар пришелся точно по нерву, и все мышцы на мгновение парализо-

вало. Пистолет выпал и стукнулся об пол в темноте столовой. Ричард подался в сторону в попытке нацелить оружие, хоть и сознавал всю бессмысленность этого порыва: противник находился именно там, в столовой. Он понял, что совершил чудовищную ошибку, приняв как данность версию о том, что неизвестные проникли в дом через кухню, поскольку там находилось самое уязвимое место. Но в столовой также имелась дверь, ведущая в сад, и вероятно, они разбили стекло там. В годы службы Ричард наставлял немало молодых полицейских, и первый из его постулатов звучал так: *Ничего не принимайте как данность. Перепроверяйте всё, любой возможный вариант. От этого может зависеть ваша жизнь и жизни других людей.* Просто не укладывалось, что именно этой ночью он поступил наперекор едва ли не всем собственным принципам.

В следующую секунду Линвилл получил мощный удар в живот и рухнул на колени. Затем тяжелый кулак врезался ему в висок. У него потемнело в глазах, лишь на краткий миг, но и этого оказалось достаточно — Ричард повалился на пол. Он не потерял сознания, но мир вокруг закружился и перед глазами поплыло. Линвилл попытался подняться, но получил ногой по ребрам и снова оказался на полу. Не успел он опомниться, как чьи-то крепкие руки подхватили и вздернули его.

Противник был чрезвычайно силен. И полон решимости.

Распахнулась кухонная дверь, зажегся свет, и Ричарда втащили на кухню. Удерживая его одной рукой, взломщик пододвинул стул и поставил в центре комнаты. Линвилл зажмурился от слепящего света. В следующий миг он уже сидел на стуле, все еще хватая ртом воздух: последний удар под ребра вышиб из него дух. Ричард чувствовал, как левый глаз начинает заплывать, а из носа течет что-то вязкое — вероятно, кровь. Он не мог толком сообразить, что с ним происходит, не говоря уже о том, чтобы оказать какое-то сопротивление.

Ему грубо завели руки за спину и так крепко перетянули запястья, что кисти онемели почти мгновенно. Затем тонкая проволока врезалась в голые лодыжки, торчащие из штанин пижамы. Кабельная стяжка, как он выяснил позднее. Это означало, что не было ни малейшего шанса освободиться самостоятельно. Ричард ощутил стопами ледяной холод каменного пола.

«Надо было надеть тапочки», — подумалось ему.

В текущих обстоятельствах эта мысль казалась нелепой. У него были проблемы куда серьезнее.

Ричард огляделся и заключил, что преступник один. Впрочем, в его положении число нападавших не имело значения.

Это был довольно крупный тип. Судя по телосложению, сравнительно молодой — наверное, лет тридцати. С первого взгляда было ясно, что он немало времени проводил в спортзале. Возможно, даже занимался боксом. И был настроен крайне агрессивно.

Ричард отметил еще одну деталь, но пока не мог сказать с уверенностью, можно ли извлечь из этого что-то благоприятное. Незвестный действовал в перчатках и натянул на лицо вязаную шапку. Значит, ему хватало сообразительности, чтобы не оставлять отпечатков пальцев и следов ДНК. Кроме того, он скрывал свою внешность и тем самым проявлял определенный профессионализм. В этом случае шансы на благополучный исход возрастали: такие обычно не впадают в панику и не устраивают кровавую бойню. А тот факт, что он предпочел остаться неузнанным, дарил определенную надежду. Ричард вполне мог и пережить эту ночь. Однако чутье подсказывало, что оставлять в живых его не намерены. Вероятнее всего, непрошенный гость принял все меры — просто чтобы быть готовым к любой неожиданности.

Это был кошмар наяву с неизвестным финалом.

Вряд ли этот человек собирался обчистить дом. Линвилл по опыту знал, что простые взломщики избегали открытых столкновений с обитателями дома. Вор, едва

заслышав шаги на лестнице, скорее поспешил бы обратиться через ту же дверь в столовой. У него было достаточно времени. Он не стал бы прятаться, а потом еще и нападать, подвергаясь ненужному риску.

Нет, вторжение каким-то образом касалось лично Линвилла. Если б он не проснулся, преступник поднялся бы в спальню и напал бы на него во сне. Судьба предоставила ему шанс — и Ричард им не воспользовался...

Что, черт возьми, нужно этому типу?

— Смотри на меня, скотина, — сказал молодой человек.

Он горой возвышался над Ричардом. Джинсы, футболка с коротким рукавом, несмотря на промозглый холод снаружи. Этот человек был силен как бык.

Ричард поднял взгляд. Левый глаз неумолимо запылывал, но правый пока еще видел.

— Узнаешь? — спросил незванный гость.

Именно над этим Линвилл лихорадочно размышлял последние несколько минут. Впрочем, он не видел лица незнакомца, и это заметно усложняло задачу.

— Как же я узнаю, — ответил он, — если вы прячете лицо?

И получил в ответ сокрушительный удар в челюсть. В глазах вспыхнули искры. Ричард чувствовал, что еще немного и он потеряет сознание. Боль настигла его с запозданием, но затем обрушилась такой мощью, что Ричард не сдержал тяжелый стон. Должно быть, внутри что-то сломано. Вероятно, челюстная кость. Он попробовал слотнуть, но это удалось лишь с нескольких попыток. В горле ощущался плотный сгусток крови.

— Что... вам... нужно? — с трудом проговорил Ричард.

— Ты и впрямь не помнишь? — спросил незнакомец. — Мое лицо не имеет значения, ясно тебе? Достаточно вспомнить некоторые подробности из своего мерзкого прошлого. Тогда уж ты поймешь, кто перед тобой стоит.

Кто-то из тех, кого он в годы службы отправил за решетку? Но их было так много...

Ричард не решался отвечать и лишь с отчаянием смотрел на своего мучителя.

— Ты и впрямь думал, что так просто отделаешься?

Ричард с трудом шевелил губами:

— Я... не знаю... кто... вы...

Он сжался в ожидании очередных ударов, но их не последовало. Незнакомец покачивался на пятках.

— Не имеешь ни малейшего понятия, мелкий гаде-ныш... Даже не догадываешься, так?

— Нет, — подтвердил Ричард.

И вновь последовал удар, на этот раз в живот — и такой силы, что несколько секунд Ричард не мог вдохнуть. Хватая ртом воздух, он наклонился насколько мог и сплюнул кровь на пол.

Он меня убьет. Только за этим он и явился.

Однако злоумышленник проник в его дом не случайно, Ричард был убежден в этом. Этот человек не просто присмотрел дом, чтобы напасть на хозяев, поистязать их, а затем убить. За годы службы Ричард не раз наблюдал подобное; порой просто не верилось, как в череде случайных событий люди становились жертвами ужасных преступлений. Но этот случай был явно не из тех. Ричард ощущал ненависть, исходящую от незнакомца. Он хоть и не узнавал его, но понимал, что выбор пал на него не случайно.

— Прошу вас, — простонал он, — скажите мне...

Незнакомец пнул его по голени, и Ричард взвыл. На молодом человеке были шипованные ботинки. Ричард почувствовал, как штанина пижамы пропитывается кровью.

Он должен выяснить, что связывало его с этим человеком. В этом состоял его единственный шанс. Поговорить с ним. Разговоры помогали почти безотказно. Конечно, если знать при этом, *о чем* следовало говорить.

Ричард собрал свое мужество в кулак. У него болело все: ребра, живот, нога, лицо. Он боялся, что получит оче-

редной удар, если только посмеет раскрыть рот, но если он этого не сделает, то однозначно погибнет.

— Я... действительно не понимаю... в чем вы вините меня, — вымолвил Ричард. Он с трудом выговаривал слова. Губы тоже начали распухать, и он то и дело сглатывал кровь. — Прошу вас... я хочу знать. Мы бы... могли поговорить...

Ричард успел заметить кулак и дернулся в сторону. Удар прошел вскользь, но в тот же миг противник схватил его за волосы и удержал голову, после чего рывком оттянул назад, так что Линвилл удивился даже, как не переломился хребет. Теперь удары один за другим обрушивались на сломанный нос, распухший глаз, разбитые губы.

«Я умру, — думал Ричард, — я умру, я умру...»

Удары прекратились, когда Линвилл уже готов был потерять сознание. Он чувствовал, что лишь какая-то доля секунды отделяла его от обморока, и жалел, что этого не произошло. Единственное, чего он желал в этот момент, это отключиться. Или умереть поскорее.

Его сотрясала дрожь, и бросало в жар от боли. Боль составляла все его существо. Он трясся в лихорадке и едва мог дышать. И спрашивал себя, почему вообще до сих пор жив.

Представил себя со стороны: пожилой мужчина в клетчатой фланелевой пижаме сидит, связанный по рукам и ногам, на кухонном стуле, с лицом, разбитым в кровавое месиво, истекает кровью и тихо стонет. Каких-то пятнадцати минут оказалось достаточно, чтобы превратить его в этот человеческий остов, обреченный на смерть.

Ему вспомнилась Кейт. Ричард знал, чем для нее обернется его смерть. У нее никого больше не было, кроме него, и он с глубокой скорбью сознавал, что придется покинуть ее. Кейт была единственной его дочерью... одинокая, несчастная женщина, неспособная обзавестись друзьями, покорить мужское сердце, завести се-

мью. Или, на худой конец, обрести счастье в профессии. Они никогда не заговаривали о том, как ей было одиноко и тоскливо. Кейт всегда делала вид, что всё в ее жизни в порядке, и Ричард с уважением относился к ее желанию сохранить эту видимость. Никогда не говорил, что знает, как ей худо. Теперь, вероятно, в последние минуты жизни, он понял, что совершал ошибку. Когда они виделись, то заняты были тем, что притворялись друг перед другом и попусту тратили время. Как видно, ему уже не представится случая исправить эту ошибку...

Он с трудом поднял голову. Сквозь щели заплывших глаз увидел, как неизвестный без всякой спешки роется по кухонным ящикам и шкафам. Наконец он нашел то, что искал, — полиэтиленовый пакет.

Ричард все понял. Он раскрыл рот и хотел закричать, но из горла вырвался лишь сдавленный, отчаянный хрип. «Нет, — хотел он сказать, — прошу, не надо!» В следующую миг палач надел пакет ему на голову и чем-то стянул вокруг шеи, скотчем или шнурком.

Ричард хотел что-то сказать. Теперь он знал, с кем имеет дело. Догадался, о каких подробностях прошлой жизни говорил его истязатель. И как же он сразу этого не понял?

Но было слишком поздно. Ричард уже не мог говорить. Он еще дышал. Яростно, безумно, лихорадочно, все быстрее...

Вдыхал последние капли кислорода в своей жизни.

Понедельник, 28 апреля

1

Джонас Крейн не мог отделаться от мысли, что впустую тратит время. Однако он обещал Стелле, что запишется на прием к доктору Бенту, и теперь не мог отступиться,